

АНДРЕЙ МЕЛЬНИКОВ,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля, Луганск

Возможности исследования ценностно-нормативных трансформаций украинского общества с позиции экзистенциальной социологии

Аннотация

В статье представлены перспективы исследований ценностно-нормативных трансформаций украинского общества с позиции экзистенциальной социологии. Основные из таких перспектив, опирающихся на соответствующие теоретические категории, соотносятся с пограничной ситуацией, аутентичностью и смысложизненными ориентациями. Кроме того, автор подчеркивает важность качественного исследования индивидуального и коллективного экзистенциального опыта. Отмечаются также некоторые теоретические проблемы экзистенциальной социологии, требующие последующего разрешения (проблема границ ценностных иерархий, проблема структуры экзистенциального опыта и др.).

Ключевые слова: экзистенциальная социология, кризис сознания, экзистенциальный опыт, ценностные иерархии, пограничная ситуация, аутентичность, смысложизненные ориентации

Состояние социальной нестабильности современного общества в последние годы все чаще становится предметом дискуссий среди социологов и представителей других социальных наук. В этих научных дискуссиях существует относительное согласие в определении нескольких общих причин социальной нестабильности, среди которых можно отметить прекращение идеологического противостояния Советского Союза и стран Запада, процессы глобализации и новую волну научно-технического прогресса, которая обусловила на протяжении последних десятилетий, помимо всего прочего, революционные изменения в области коммуникационных техноло-

гий. Все эти причины объединяет их комплексная взаимозависимость с трансформациями социальных ценностей и норм. В свете анализа стремительных социальных изменений одной из актуальных и нерешенных исследовательских проблем остается осмысление глубинной экзистенциальной сущности динамики ценностно-нормативной структуры общества.

Нельзя сказать, что проблеме трансформаций ценностно-нормативной структуры общества социологи уделяют недостаточно внимания. Так, в классической социологии распространение получила концепция социальной аномии (Э.Дюркгейм, Р.Мертон), объясняющая переходные состояния при смене одной системы другой. Среди наиболее заметных современных исследователей социальных изменений и их нормативно-ценностного измерения можно назвать Р.Робертсона, Э.Баумана, У.Бека, Э.Гидденса, П.Штомпку, Ш.Айзенштадта, Дж.Ритцера, Р.Инглехарта. В украинской социологии проблема ценностно-нормативных аспектов социальных трансформаций стала одной из центральных в последние десятилетия (Н.Шульга, Е.Головаха, Н.Панина, В.Хмелько, В.Паниотто, В.Бакиров, Е.Якуба, О.Куценко, Л.Хижняк, Е.Злобина, Н.Соболева и др.). В экзистенциальной социологии попытки обозначить основные черты изменений социальных ценностей и норм отражены в работах Э.Тириакияна, Дж.Дугласа, М.Болль де Баля, в которых ценностная структура общества рассматривается преимущественно как структура сознания.

Как правило, ценностно-нормативная структура общества определяется в социологии с помощью категорий стабильности/нестабильности. На общетеоретическом уровне под нестабильностью понимают неоднородность социальных процессов и явлений, приводящую к общей дезинтеграции социальной системы. Нестабильность можно рассматривать как состояние, противоположное социальному порядку. С философской точки зрения дихотомической парой порядка является состояние хаоса, то есть отсутствие каких бы то ни было связей и форм. Для социальной системы порядок основывается на взаимосвязях относительно согласованных социальных норм, поддерживаемых на уровне социокультурной реальности, то есть посредством совокупности моральных ценностей, разделяемых членами общества.

Для украинского общества после распада советской системы нестабильность стала основной характеристикой социальной жизни и придала социально-психологическому состоянию населения негативный¹ характер, признаки социальной депрессии и массового цинизма. Произошло разрушение не только институционализированных социальных норм, но и моральных ценностей, причем это разрушение произошло в ситуации, когда формирование новой ценностной системы стало ориентироваться на полярно противоположную социокультурную модель западного общества. Кроме этого, кардинальные изменения ценностно-нормативной структуры украинского общества усиливались изменениями в самой западной системе моральных ценностей и норм, вызванными нарастающей тенденцией глобализации.

По моему глубокому убеждению, одним из наиболее релевантных теоретико-методологических подходов к исследованию стремительных изменений ценностно-нормативной структуры общества и возникновения вслед-

¹ Детальное исследование феномена негативной идентичности в постсоветском обществе проведено российским социологом Л.Гудковым [Гудков, 2004].

ствие этого состояния социальной нестабильности может стать *экзистенциальная социология*, направленная на изучение глубинной и кризисной социальной проблематики и совмещающая в себе возможности теоретического и эмпирического анализа. Первичное изучение трансформаций ценностно-нормативной структуры украинского общества с позиции экзистенциального подхода может быть ориентировано в нескольких основных направлениях, рассмотрение которых и является целью данного исследования.

Пограничная ситуация. К первому потенциальному направлению экзистенциального подхода следует отнести анализ распада советского общества как социетальной пограничной ситуации, в которой вследствие трансформаций системы ценностей и норм обнажилась ранее скрытая, экзистенциальная социальная реальность, лишенная прежних рационализированных форм, выполнявших защитную функцию¹. Используя терминологию феноменологической социологии, пограничную ситуацию можно описать как разрушение естественной установки и выход за пределы ценностно-нормативных структур сознания. При этом характерной чертой пограничной ситуации является ее необходимость, то есть невозможность ее устранения из собственного опыта. Пограничная ситуация может быть либо принята и, в таком случае ее воздействие приобретает конструктивный характер, либо отвергнута, что приводит к ее деструктивному эффекту.

В контексте украинского общества особый интерес представляет рассмотрение существующих результатов социологических исследований в контексте классического определения пограничной ситуации в экзистенциализме (в частности, Ясперсового). Так, эмпирические исследования указывают скорее на моральную деградированность населения, разрушение высших универсальных ценностей, низкую степень актуализации сакральных и смысложизненных установок. На первый взгляд этому утверждению противоречит факт широкомасштабного возрождения религиозных институтов, но это институциональное возрождение не обязательно означает соответствующее возрождение сакральных и универсальных ценностей и требует дополнительного рассмотрения². Согласно же Ясперсу и другим представителям экзистенциального подхода, вследствие пограничной ситуации (столкновение со смертью, страдание и др.) в структуре личности разрушаются автоматизированные паттерны психики и поведения, что может вызвать мобилизацию высшего духовного уровня и открыть возможность качественного перехода от материально-гедонистической, эгоистической разрозненности (низшие уровни сознания) к состоянию внутренней целостности, порождающему альтруистические ценности (высшие уровни сознания). Так, пограничную ситуацию можно определить как источник таких феноменов субъективной реальности, как “религиозный опыт” (У.Джеймс), “пиковые переживания”

1 Помимо постсоветских трансформаций, изучение коллективных пограничных ситуаций в украинском обществе может быть применено для рассмотрения таких исторических событий, как Вторая мировая война, Чернобыльская катастрофа с ее долгосрочными последствиями и т.д.

2 Так, Л.Бевзенко отмечает целый ряд противоречий при анализе религиозной жизни украинцев. В частности, религия в украинском обществе фактически не выполняет регуляторной функции, а религиозные люди, по сравнению с нерелигиозными, меньше удовлетворены своей жизнью, чаще испытывают раздраженность, страх и уныние, больше чувствуют одиночество [Бевзенко, 2010: с. 440].

(А.Маслоу), высокая степень “исполненности экзистенции” (А.Лэнгле) и др. [James, 2010; Маслоу, 2003; Кривцова, Лэнгле, Орглер, 2009].

Следовательно, если распад советского общества действительно рассматривать как социетальную пограничную ситуацию, то возникает несколько ключевых вопросов. Можно ли говорить о том, что после потрясений 1990-х годов у значительной части населения актуализировались высшие ценностные ориентации и уровни сознания? Если да, то почему такая актуализация не привела к успешным социальным изменениям? Отвечая на данные вопросы, можно выдвинуть два основных предположения: 1) происходит постепенное разрешение существующих социальных противоречий и возрастание социальной интеграции и солидарности — социальные процессы являются формой коллективного катарсиса, при котором актуализация высших ценностей только зарождается, тогда как кризисное состояние еще сохраняется, но его степень уменьшается¹; 2) происходит накопление социальных противоречий, наблюдается уход от пограничной ситуации, ее игнорирование, что со временем может привести к еще более глубокой стадии кризиса. Последующая детальная проверка обоих предположений является крайне важной с социологической точки зрения, однако тот факт, что у индивидов в пограничных ситуациях вообще актуализируются высшие ценностные установки, фиксируется в некоторых количественных исследованиях последних лет в Украине. Например, сравнивая ответы на вопрос “В чем вы видите смысл жизни?”, Н.Ходоривская отмечает, что мера рефлексивности в отношении собственного “Я”-духовного² оказывается несколько более высокой у группы людей, которые пережили трудные ситуации (см. табл. 1) [Ходорівська, 2010: с. 306].

Анализируя особенности рефлексии в украинском общественном сознании, Н.Ходоривская приходит к выводу, что рефлексивность и четкость оценки происходящих событий зависит от социальной дистанции по отношению к оцениваемому объекту, от “близких” — к “знакомым” и “абстрактным”. “В трудных обстоятельствах, — пишет она, — рефлексивность активизируется относительно тех объектов, субъектов, процессов, которые больше включены в затруднительную жизненную ситуацию; активизируется также переосмысление “Я”-духовного; пространство сознания определенным образом “сужается” и абстрактные представления приобретают еще большую размытость” [Ходорівська, 2010: с. 307]. Данное наблюдение, имеет, на наш взгляд, важнейшее значение как для осмысления механизмов переживания пограничной ситуации, так и для объяснения ценностных трансформаций сознания. На его основании можно предположить, что вследствие пограничной ситуации уровень осознанности индивида уменьшается по масштабу и одновременно повышается по концентрации. Данное изменение, возможно, объясняется тем, что при переживании глубокого кризиса сознание индивида выходит за пределы рационально-абстрактного мышления, разотождествляется с ним и концентрируется в экзистенциальном опыте, то

1 Можно сказать, что это предположение в целом подтверждается данными всеукраинского мониторинга Института социологии НАНУ.

2 К собственным качествам, которые характеризуют “Я”-духовное, отнесены умение жить в новых общественных условиях, современные экономические и политические знания, уверенность в своих силах, решительность в достижении своих целей и т.п.

есть в целостности фактического переживания своего существования. Таким образом, повышение осознанности в данном случае означает концентрацию внимания и сужение сознания до уровня конкретно переживаемой реальности, а также отказ от абстрактных паттернов, не соответствующих этой реальности. Другими словами, содержимое субъективной реальности начинает восприниматься как оно есть здесь-и-сейчас, без отождествления осознанности с оценочными и временными (прошлое, будущее) измерениями сознания, поскольку они являются формами абстрагирования и способами снижения осознанности переживания экзистенциального опыта. Если это предположение верно, то оно требует постановки как минимум еще двух важных вопросов о том, почему пограничная ситуация и вызываемые ей негативные переживания вообще приводят к выходу за пределы установленной ценностной структуры сознания, а также каковы особенности социальной активности, лишенной ее ценностно-рационализированного содержания. Последний из этих вопросов можно сформулировать и следующим образом: может ли индивид быть полноценным субъектом социальных взаимодействий без преобладания в них ценностно-рационализированного восприятия реальности?

Таблица 1

Видение смысла жизни в соотношении с опытом переживания трудных ситуаций, %^a

В чем Вы видите смысл жизни?	Пережили трудные ситуации, N = 1203	Не переживали трудных ситуаций, N = 597
В душевном спокойствии, в согласии с самим собой, в единении с природой	42	38
В реализации творческих замыслов	14	11
В достижении высот профессиональной карьеры	14	12
В популярности, публичном признании своих заслуг	3	2
В семейном благополучии, в детях и внуках как своем продолжении	72	64
В большой любви к женщине/мужчине	26	21
В социальной справедливости, гражданском согласии	28	25
В демократическом развитии общества	16	15
В материальном благополучии	54	50
В возможности жить ради собственного удовольствия	23	19
В том, чтобы быть современным, осваивать и использовать новые технологии	10	8
В том, чтобы успешно планировать и организовывать свои действия	21	16
В чем-либо другом	2	1
Ни в чем	2	2
Трудно ответить	5	6

^a Можно было выбрать все подходящие варианты ответов.

Концентрация внимания на здесь-и-сейчас и высокая бдительность сознания без отождествления его с оценочным мышлением и производными эмоциями — все это является одним из важнейших аспектов переживания пограничной ситуации. Успешное преодоление пограничной ситуации зависит от адаптивной способности принятия негативного экзистенциального опыта, где рациональное мышление и эмоции, временные параметры, постановка целей и удовлетворение потребностей играют лишь второстепенное, инструментальное значение по сравнению с присутствием в наличной ситуации. Если же происходит обратный процесс концентрации на рационально-оценочном или эмоционально-оценочном уровнях сознания, а также если наличный опыт является лишь средством достижения будущих целей, уходом от “сейчас”, то в таком случае возникает устойчивое негативное состояние, которое может иметь крайне разрушительные последствия. Иными словами, успешной стратегией преодоления пограничной ситуации является рассмотрение экзистенциального опыта как цели, а не средства ее достижения.

Указанный аспект переживаний экзистенциального опыта был подробно рассмотрен Г.Марселем и Э.Фроммом в контексте разделения двух способов существования человека — “быть” или “иметь”, а в современных исследованиях объяснение психофизиологических механизмов подобного разделения было предложено российскими специалистами по медицине катастроф А.Клюевым и А.Качалкиным в их релятивистской концепции психической деятельности, основанной на многолетних исследованиях роли человеческого фактора в авиакатастрофах. Согласно этой концепции, психическая деятельность человека разделяется на пять уровней — интуитивная подсознательная деятельность, рассудочная деятельность, эмоциональная деятельность, рефлекторная деятельность и интуитивная сверхсознательная деятельность. “Внутренний процесс переработки человеческим сознанием воспринимаемой информации, — пишут А.Клюев и А.Качалкин, — может быть либо синхронизирован во времени с наблюдаемым (контролируемым) внешним процессом, либо сознание наблюдателя функционирует в десинхронизированных режимах — отставая во времени от наблюдаемого (контролируемого) процесса или же опережая его” [Клюев, Качалкин, 2000]. Из пяти перечисленных видов психической деятельности лишь на ее интуитивно-сверхсознательном уровне происходит совпадение субъективного времени и времени реального процесса, и именно данный уровень сознания может активизироваться в пограничных ситуациях, тогда как на других уровнях происходит отставание (например, рассудочная деятельность) или опережение (эмоциональная деятельность) реального времени¹.

Не следует забывать, что специфика социетальной пограничной ситуации в украинском обществе связана не только с постсоветскими макропроцессами, но также и с повседневными негативными состояниями, характерными для любого общества и связанными с потерей близких людей, болезнями, материальными проблемами и т.д. Так, по данным на 2010 год, около 67% населения Украины переживали те или иные трудные ситуации. В

¹ Потенциальным направлением дальнейших исследований данного временного аспекта экзистенциального опыта может стать развитие в структуре экзистенциальной социологии теории психологического времени личности и метода каузометрии Е.Головахи и А.Кроника [Головаха, Кроник, 1984].

частности: 11,3% — перенесли тяжелые болезни, операции; 14% — столкнулись с тяжелой болезнью или смертью близких; 22,6% — испытали большие материальные затруднения, когда не за что было купить даже необходимые продукты; 21% — потеряли социальный оптимизм и надежду на то, что положение в стране изменится к лучшему; 16,2% — ощущали свою беспомощность перед произволом власти и т.д. [Українське суспільство, 2010: с. 547]. Можно утверждать, что негативные особенности переживания постсоветских трансформаций тесным образом переплетены с различными индивидуальными кризисами и зачастую личные, на первый взгляд, трудности являются неотъемлемой частью социальной проблемы. Например, даже смерть близкого человека от болезни может быть связана с более широким социальным контекстом и невозможностью обеспечить своевременную и достаточную медицинскую помощь по причине низких доходов и т.д.

Особенностью переживания пограничных ситуаций как на макро-, так и на микроуровне является страдание человека и переживание им негативных состояний той или иной степени тяжести. В этом смысле исследование пограничных ситуаций в Украине может быть реализовано в контексте такого отраслевого направления, как социология страданий, активное развитие которого наблюдается сегодня в западной социологии [Social Suffering, 1997; Wilkinson, 2005] и основы которого были заложены еще в начале XX века немецким социологом Ф.К.Мюллер-Лиером, аргументировавшим социальную обусловленность почти всех форм индивидуальных страданий [Мюллер-Лиер, 2007].

В отношении пограничной ситуации можно говорить о двух важных аспектах страдания. С одной стороны, после переживания страданий изменяется восприятие тех элементов наличного опыта, которые не доставляли ранее удовлетворения — их ценность и смысловое содержание обогащаются. То, что до пограничной ситуации принималось как само собой разумеющееся, теперь заявляет о своей важности. В народном фольклоре эта мысль заключена в пословице “Что имеем — не храним, потерявши — плачем”. С другой стороны, страдание, испытанное в пограничной ситуации, закладывает глубокий страх перед повторением подобных событий и становится побудительным мотивом к действиям. В этом отношении существует множество примеров, когда после переживания страданий, особенно в детском или подростковом возрасте, индивид достигает больших успехов в жизни, серьезнее относится к происходящему, придает большое значение самосовершенствованию. В то же время существует предел внутреннего напряжения, при котором страх и глубина негативного воздействия пережитых событий принимают неконтролируемые формы и разрушают личность. Последний аспект характерен для различных форм зависимости (алкоголь, наркотики и т.д.), проявлений синдрома войны и т.п. Эти наиболее тяжелые последствия переживания пограничных ситуаций были глубоко проанализированы основоположником логотерапии (метод экзистенциального анализа) Ф.Франклом на основании его собственного опыта пребывания в концентрационном лагере во время Второй мировой войны [Франкл, 2000, 2009].

Таким образом, последствия пограничной ситуации могут развиваться по двум основным направлениям — деструктивному или конструктивному. Анализ механизмов развития данных направлений на микроуровне является, на мой взгляд, крайне важным для понимания сущности более масштаб-

ных ценностных изменений в украинском обществе. Если снова обратиться к данным исследований Института социологии НАН, то, например, при ответе на вопрос “Как Вы считаете, какое из приведенных высказываний больше соответствует ситуации, которая сложилась в стране?” 53,4% респондентов выбрали высказывание “жить тяжело, но можно терпеть”; 29,8% опрошенных считают, что “терпеть наше тяжелое положение уже невозможно”; и только 9,5% респондентов полагают, что “все не так плохо, и можно жить” (еще 7,5% респондентов выбрали вариант “трудно сказать”) [Українське суспільство, 2010: с. 549]. Эти и подобные макропоказатели могут дать общий ориентир при анализе коллективной пограничной ситуации и возможных путей развития социальных изменений в украинском обществе.

Аутентичность. Ко второму актуальному направлению экзистенциальных исследований постсоветских ценностно-нормативных трансформаций мы относим их анализ сквозь призму дихотомии аутентичность/неаутентичность. В общих чертах аутентичность¹ (др.-греч. — подлинность) можно определить как степень внутренней согласованности истинных и декларируемых ценностей индивида, а также как его согласованность с внешним миром и принятие актуальной реальности, что выражается, в итоге, в соответствии высших внутренних ценностей и социального поведения. Иными словами, неаутентичный индивид обладает негативным моральным самочувствием и его поступки не соответствуют глубинным ценностным ориентациям, а в крайней форме — даже декларируемым ценностям. При этом высшим уровнем аутентичности можно считать отождествление сознания индивида с его *непосредственным переживанием собственного существования*, то есть с экзистенцией, и именно это измерение аутентичности может достигаться в пограничных ситуациях.

Трансформация ценностной структуры украинского общества показывает, что этот процесс имеет два основных уровня; на первом происходит разрушение формализованных социальных норм, а на втором — разрушение норм морали, на которых основываются формализованные социальные нормы. В условиях социальной нестабильности последних десятилетий в Украине начала искусственно институционализироваться система формальных социальных норм, основанных на принципах универсальной общечеловеческой морали, заложенных в западной модели общества, тогда как фактическое массовое нарушение этих принципов сделало такие нормы лишь декларируемыми по своему характеру. Данные процессы привели к возникновению параллельной, неформально “институционализированной” структуры социальных ценностей и норм, во многом противоречащей формальной системе. Украинские социологи назвали данный феномен системой “двойных социальных институтов”, в которой существует “аморальное большинство” [Головаха, 2002; Головаха, Панина, 2001]. В связи с этим Е.Головаха и Н.Панина пишут: “...можно сформулировать гипотезу о том, что лишь при двойной институционализации обеспечивается весьма своеобразная “институциональная гиперполноценность” украинского общества, основанная на согласии людей жить в таком институциональном пространстве, где действуют и старые, и новые институты, обеспечивающие

¹ Подробнее об экзистенциальном понятии аутентичности см.: [Wild, 1965].

своим противоречивым сосуществованием наличие всех необходимых для социальной интеграции и стабильности атрибутов институциональности” [Головаха, Панина, 2001: с. 17]. Украинские социологи отмечают, что двойственность институциональных структур должна отражать соответствующее двойственное состояние массового сознания, в основе которого, помимо прочего, лежит неоднозначное отношение к двум социальным системам — капитализму и социализму. Такая амбивалентность является проявлением социальной аномии, то есть переходного состояния от одной морально-нормативной системы к другой. Однако, по мнению Е. Головахи и Н. Паниной, специфика постсоветской реальности заключается в том, что взаимоисключающие ценностно-нормативные системы существуют не антагонистически, а являются согласованными частями одного типа сознания.

Феномен аутентичности может быть лучше раскрыт через его связь с такими состояниями, как конгруэнтность, депривация и интернальность/экстернальность. В наиболее широком значении под конгруэнтностью¹ (лат. — соразмерный, соответствующий) понимается равенство или соответствие элементов системы между собой. На социально-психологическом уровне конгруэнтность представляет собой внутреннюю согласованность личности, ее целостность, выражающуюся в таких характеристиках, как искренность, правдивость, соответствие вербального и невербального поведения, непротиворечивость ценностей и убеждений. Конгруэнтность означает степень соответствия реального и идеального Я. Высокая степень такого соответствия указывает на наличие единой, высшей цели, определяющей состояние, деятельность и поведение личности. Среди основных причин неконгруэнтности, как правило, выделяются страх, незащищенность, недоверие, различные формы зависимости, низкий уровень самосознания, стресс, конфликты и др.

Конгруэнтность имеет тесную связь с состоянием депривации (лат. — потеря, лишение), под которым понимается невозможность достаточного удовлетворения потребностей. В социологии принято выделять абсолютную и относительную депривацию. При абсолютной депривации индивид или социальная группа не могут удовлетворить свои основные потребности и не имеют доступа к соответствующим материальным и социальным ресурсам. Относительная депривация представляет собой субъективно переживаемое несоответствие между ценностными ожиданиями и возможностью их реализовать. Анализируя теории депривации, П. Штомпка пишет: “...если люди даже крайне нищи, но воспринимают это как должное, как предписание судьбы, провидения или как соответствие предопределенному социальному статусу, то революционного брожения не возникает. Лишь когда они начинают задаваться вопросом о том, что они должны иметь по справедливости, и ощущать разницу между тем, что есть и что могло бы быть, тогда и появляется чувство относительной депривации” [Штомпка, 1996: с. 379]. Близким к депривации является состояние фрустрации (лат. — обман, неудача, тщетная надежда). Принято считать, что если депривация возникает в тех случаях, когда человек не обладал ранее благами, которые являются для него желаемыми, но недостижимыми в данный период, то в

¹ Одним из первых определение конгруэнтности предложил американский психолог К. Роджерс [Роджерс, 1994].

случае фрустрации человек ранее уже обладал желаемыми благами и лишился их по определенным причинам. Существует мнение, что депривация указывает на отсутствие возможностей удовлетворения потребностей, тогда как фрустрация отражает последствия такого неудовлетворения. Если так, то можно говорить, что депривация приводит к фрустрации.

Важной особенностью понятия аутентичности является отражение степени интернальности/экстернальности личности, что в экзистенциализме отражается в концепции “чистой/нечистой веры” (Ж.-П.Сартр). Согласно этой концепции, жить в нечистой вере (экстернальность) означает перекладывание ответственности за свои поступки на внешние обстоятельства и других людей, тогда как противоположное состояние “чистой веры” (интернальность) предполагает, что индивид сознательно совершает свой жизненный выбор и несет за него полную ответственность. В данном случае речь идет не только о конкретных действиях индивида, но и, что важно, о субъективном основании этих действий. Так, даже в условиях значительного преобладания внешних обстоятельств у индивида остается свобода их смысловой интерпретации, какой бы малой ни была степень этой свободы, и в связи с этим Сартр говорит об обреченности человека быть свободным как об основополагающем модусе экзистенции.

Анализ интернальности и экстернальности в последнее время стал в украинской социологии одним из способов осмысления ценностно-нормативных трансформаций. “Интернальность и экстернальность, — пишет Н.Соболева, — определяют два противоположно направленных типа практической ориентации в жизни. Интерналы считают желаемые цели принципиально достижимыми и развивают достаточно высокую активность для реализации этих целей даже в очень сложных условиях. Экстерналы намного чаще считают желаемые цели недостижимыми или слишком сложными и проявляют большую пассивность в их реализации по сравнению с интерналами” [Соболева, 2010: с. 320]. Установки интернальности/экстернальности, отмечает Соболева, формируются на основании субъективного локуса контроля — склонности индивида возлагать ответственность за происходящее на себя (внутренний локус) или на внешнюю ситуацию (внешний локус). При этом важной характеристикой экстерналов является их большая подверженность переживанию негативных состояний — страха, тревожности, неуверенности, недоверчивости, агрессивности. Интернальность и экстернальность также тесно соотносятся с такими характеристиками личности, как, соответственно, оптимизм и пессимизм с присущими им различиями в смысле удовлетворенности жизнью. При этом интерналы менее подвержены влиянию извне, тогда как экстерналы, испытывая страх и недоверие, в защитных целях склонны к большей самокритике и фокусированию на негативных аспектах.

Категория экзистенциальной аутентичности, включающая в себя такие понятия, как конгруэнтность, депривация и интернальность/экстернальность, имеет широкие возможности применения в контексте исследования ценностно-нормативных трансформаций украинского общества. Так, результаты эмпирических исследований указывают на низкую степень социальной аутентичности. Это подтверждается такими показателями, как преобладание экстернального типа личности над интернальным (соответственно 46,7% и 22,2 %, по данным за 2010 год) [Українське суспільство, 2010:

с. 324], низкий уровень доверия почти во всех сферах социальной жизни¹, высокий уровень аномийной деморализованности и цинизма и др. Перечисленные характеристики говорят о том, что у украинских граждан есть опыт столкновения с несоответствием реальных и декларируемых ценностей или реальных и высших ценностей. Это может выражать и неприятие социальной действительности вследствие опыта социальной несправедливости, чувства страха и незащищенности. Кроме того, важно обратить внимание на связь преобладания экстернального типа личности с инерцией советского общественного сознания и проблемами формирования гражданского общества в Украине.

Смысложизненные ориентации. Проблема смысла жизни всегда была лейтмотивом экзистенциальных исследований как в философии, так и в более поздних научных направлениях, в которых применяется экзистенциальный подход. Рассмотрение ценностно-нормативных трансформаций украинского общества сквозь призму категорий пограничной ситуации и аутентичности указывает на необходимость анализа ценностных структур общественного сознания, в которых смысложизненные ценности выступают в качестве предельных уровней ценностных иерархий и могут быть обозначены как “экзистенциальные ценности” [Мельников, 2010].

В социологии широкое распространение получили работы американского социального психолога Милтона Рокича, который сконструировал теоретическую систему ценностей, выделив в ней два главных типа — терминальный (ценности-цели) и инструментальный (ценности-средства), каждый из которых был представлен 18 конкретными подтипами. К первому типу он отнес такие ценности, как полнота жизни, мудрость, здоровье, любовь, материальное благосостояние. Второй тип ценностей-средств представлен различными качествами личности — аккуратность, воспитанность, жизнерадостность, независимость и др. С нашей точки зрения, важность теории Рокича заключается в том, что он обнаружил проблему предела ценностных иерархий. Эта проблема получила развитие в работах современного российского экзистенциального психолога Д.А.Леонтьева, в частности в разработанной им методике предельных смыслов, при использовании которой респондент устно отвечает на вопросы исследователя и каждый новый вопрос относится к последнему полученному ответу (Вопрос 1: “Зачем люди смотрят телевизор?” Ответ 1: “Чтобы отдохнуть”. Вопрос 2: “Зачем людям отдыхать?” и т.д.) [Леонтьев, 1999]. Данная методика позволяет обнаружить предельные смысловые категории личности, объяснить которые рационально она уже не в состоянии (Такие ответы, как: “Быть счастливым, чтобы быть счастливым”). В экзистенциализме данной проблеме посвящен основной философский трактат А.Камю, где он задает свой знаменитый вопрос о том, стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить [Камю, 1998]. Этот вопрос Камю возникает из осмысления невозможности бесконечного рационального развития ценностной иерархии, которая прерывается на определенном уровне и, таким образом, лишает человека абсолютных смыслов, превращая его в несчастного Сизифа — один из центральных символов экзистенциализма. Тем не менее кризис на рацио-

¹ Экзистенциальные аспекты доверия были рассмотрены нами ранее в отдельной работе: [Джонсон, Мельников, 2009].

нальном и эмоциональном уровнях ценностных ориентаций может быть преодолен на уровне экзистенциальных ценностей, превосходящем рациональные и эмоциональные уровни личности.

С позиции экзистенциального подхода ценности формируются на основании признания объективно-рациональной бессмысленности бытия, что вынуждает индивида конструировать собственную ценностную систему посредством выбора и принятия ответственности за этот выбор перед самим собой. Экзистенциальный уровень системы ценностей в данном случае проявляется в спонтанном сверхсознательном опыте человека и осуществляется скорее посредством действий, чем идеальных постулатов. Иными словами, основание ценностной иерархии находится в целостном экзистенциальном опыте личности, за пределами рационально-оценочного и эмоционально-оценочного уровней сознания. Поскольку ценностные иерархии имеют свое рациональное ограничение, то на экзистенциальном уровне их основной характеристикой является вера и основанное на ней спонтанное (интуитивное) знание. Например, рационально человек не может объяснить, зачем ему нужно совершенствоваться, считая этот вопрос абсурдным, но на высших сверхрациональных уровнях сознания он «просто знает», что эта ценность имеет для него решающее значение. Вместе с тем экзистенциальные ценности предполагают разрушение границ рационально-эмоциональных структур личности, предавая им статус относительных образований, возникающих и исчезающих в более широком контексте интегрального экзистенциального опыта.

Данные аспекты формирования смысла, хотя и с несколько иных позиций, отражены в концепции личностного знания английского философа науки М.Полани, который утверждал, что абсолютная объективность невозможна, поскольку она базируется на личностных суждениях, а индивид всегда знает больше, чем может доказать или выразить словами [Полани, 1985]. Эквивалентом того, что мы выше обозначили как знание на уровне экзистенциального опыта (интуитивный сверхсознательный опыт), у Полани выступает понятие периферийного (неявного) знания, на котором основывается знание объективно-рационального типа. При этом в концепции Полани отражен еще один важнейший аспект экзистенциального подхода, который заключается в пересмотре классических критериев объективности в науке, в частности, предложенных М.Вебером. В данном аспекте производство и интерпретация научного знания не должны рассматриваться в отрыве от личностного знания и субъективной установки ученого, которые следует по возможности отображать вместе с полученными результатами исследования. Однако это требование применимо скорее к качественным, чем к количественным исследованиям.

С моей точки зрения, в условиях трансформации ценностно-нормативной системы украинского общества на массовом уровне произошел именно такой, описанный выше выход за пределы ценностно-рационального осмысления реальности. И хотя советская ценностная система не разрушилась полностью, а новая система ценностей также возникала не в абсолютном смысловом вакууме, все же у значительной части населения обнажился уровень экзистенциальных ценностей, относящихся к глубинным основам социального порядка и личностной структуры. В качестве схематической аналогии этого социетального феномена можно привести различные при-

меры микроситуаций пограничного характера, в которых происходит выход за пределы естественной установки сознания. К данным примерам относится поведение человека в условиях угрозы жизни или применения серьезных санкций, действия под влиянием различных соблазнов и непреодолимых моральных дилемм и т.д. Социальное поведение в подобных ситуациях открывает наиболее глубокий уровень ценностных установок личности и выражает ее истинные смысложизненные ориентации. В истории социологии похожий пример разрушения повседневных норм взаимодействия нашел отражение в знаменитых экспериментах Г.Гарфинкеля, на основании которых он продемонстрировал, какой негативный эффект вызывает разрушение привычных культурных паттернов и проникновение за пределы социально установленных границ. В экзистенциализме эта мысль воплотилась в утверждении Ж.-П.Сартра о том, что гений человека и его истинные ценности проявляются в конкретных действиях и результатах деятельности, а не в декларируемых утверждениях. Таким образом, негативное и деструктивное поведение личности при разрушении социально-типических установок может указывать на преобладание ее экстернатальных и неаутентичных характеристик, тогда как соответствующее позитивное и конструктивное поведение может говорить о преобладании интернатальности и аутентичности.

Количественные данные о смысложизненных ориентациях в украинском обществе представляют широкую социетальную панораму этого феномена (табл. 2) [Українське суспільство, 2010: с. 624]. Семья, материальное благополучие и внутренняя гармония представляют здесь три основные смысложизненные ценности. В связи с этим можно обозначить целый ряд перспективных вопросов, требующих дальнейших исследований. Если предположить, что экзистенциальная аутентичность выражается в преобладании альтруистических характеристик в действиях индивида, то важность материальных ценностей может говорить об уходе значительной части населения от пограничной макроситуации. В то же время значимость семьи как смысложизненной ценности может указывать, помимо прочего, на стремление к стабильности и защищенности в контексте общего социального разрушения ценностно-нормативного порядка. Таким образом, ценность семьи гипотетически можно рассматривать как компенсаторный механизм создания микропорядка в ситуации социальной неопределенности. Противоречивым в отношении этих вопросов является тот аспект, согласно которому представленные количественные данные могут говорить (если вспомнить, например, “круг ценностей” Ш.Шварца) как о ценностях изменения, так и о ценностях сохранения [Schwartz, 2013]. То есть если душевное спокойствие, согласие с самим собой и единение с природой являются смысложизненными ценностями для значительной части населения, то возникает вопрос о том, присущи ли уже индивидам данные состояния либо, напротив, они лишены их и стремятся к их достижению.

Вероятнее всего в ответах респондентов эти ценности воспринимаются как ценности достижения, что, опять-таки, характеризует украинское общество скорее как общество, находящееся в пограничной ситуации и уклоняющееся от нее. В частности, это можно объяснить такой характеристикой аутентичного экзистенциального опыта, как максимальная концентрация сознания на наличном моменте здесь-и-сейчас, тогда как желания в рамках ценностей изменения делают наличный опыт лишь средством достижения

будущих целей, а это порождает, в свою очередь, желание уйти от такого личного опыта и насыщает его негативным содержанием на основании идеализированных абстрактных образов и идей. С другой стороны, в указанной теории ценностей Шварца к ценностям изменения относятся самостоятельность, творчество, свобода, захватывающая жизнь, что, в общем, также можно отнести к характеристикам аутентичного индивида. В дополнение к этому противоречия экзистенциального анализа смысложизненных ориентаций в украинском обществе усложняются многомерностью социальной структуры, многообразием демографических и статусных характеристик. Так, интерпретируя рассматриваемые нами количественные показатели, украинский социолог А. Ручка подтверждает, что смысложизненные ориентации зависят от статусных позиций, которые, наряду с институционально-заданными смыслами, обеспечивают определенную степень вариативности смысловой реальности украинского общества, привнося в нее смыслы личностного уровня [Ручка, 2010: с. 270–271].

Таблица 2

Видение смысла жизни в украинском обществе, 2010^a

В чем Вы видите смысл жизни?	%
В душевном спокойствии, в согласии с самим собой, в единении с природой	40,4
В реализации творческих замыслов	12,7
В достижении высот профессиональной карьеры	13,2
В популярности, публичном признании своих заслуг	2,5
В семейном благополучии, в детях и внуках как своем продолжении	69,3
В большой любви к женщине/мужчине	24,2
В социальной справедливости, гражданском согласии	26,8
В демократическом развитии общества	15,7
В материальном благополучии	53,0
В возможности жить ради собственного удовольствия	21,7
В том, чтобы быть современным, осваивать и использовать новые технологии	9,3
В том, чтобы успешно планировать и организовывать свои действия	19,6
В чем-либо другом	1,6
Ни в чем	1,9
Трудно ответить	5,6

^a Можно было выбрать все подходящие варианты ответов.

Отмеченные здесь фрагментарные соображения по поводу противоречий экзистенциального анализа смысложизненных ориентаций носят лишь предварительный характер и только очерчивают некоторые проблемы для дальнейших исследований. Однако, на мой взгляд, краеугольным камнем этих исследований может стать категория экзистенциального опыта, то есть опыта направленности сознания на конкретные, непосредственные переживания, превосходящие ценностные иерархии и их эмоциональное измере-

ние. Если же направленность сознания концентрируется в пределах ценностных иерархий, то оно наполняется абстрактными содержаниями, способствующими возникновению негативных состояний личности в отношении переживания конкретного субъективного опыта. Данное утверждение можно, по моему мнению, относить как к индивидуальному уровню, так и к уровням малых и больших социальных групп, то есть к индивидуальному и социальному сознанию.

В экзистенциальной социологии подобное утверждение было выдвинуто американским социологом Эдвардом Тириакияном, который, опираясь на знаменитые эксперименты А.Эймса, получившие название “комнаты Эймса”¹, а также на теорию Т.Парсонса, еще в начале 1970-х годов предложил концепцию “допускаемой системы координат” (assumptive frame of reference) [Tiryakian, 1973]. Согласно этой концепции, смысл социальной реальности является производным от ее восприятия, но имманентен этому восприятию. Таким образом, восприятие реальности оказывается опосредованным смысловой структурой сознания, которая не может восприниматься сама по себе (феноменологический принцип интенциональности, “сознания о...”), но опосредует всякое восприятие. Сложно предварительно определить, насколько мое утверждение об экзистенциальном опыте как опыте, превосходящем рациональные и чувственные уровни сознания, совпадает с данной концепцией Тириакияна, но в обоих случаях важен тот аспект, что восприятие реальности обладает для субъекта имманентным смыслом, более широким по сравнению с потоком мышления и эмоций. Тириакиян же, кроме этого, интерпретирует данный смысловой аспект восприятия социальной реальности не иначе как экзистенциальное основание общественной жизни. С его точки зрения, данные необъективируемые смысловые структуры сознания являются не чем иным, как культурой. В отличие от Тириакияна, говоря о наиболее высоких аутентичных уровнях экзистенции, я утверждал, пусть и гипотетически, что этот уровень может предполагать как раз не опосредованное, но непосредственное восприятие реальности, исключая оценочные структуры-фильтры, тогда как Тириакиян считает, что такое восприятие в принципе невозможно. По сути же, концепция Тириакияна отвечает философскому определению экзистенции, например у К.Ясперса, который писал: “Экзистенция — это то, что никогда не становится объектом, исток, из которого я мыслю и действую...” [Ясперс, 2012: с. 36].

Наряду с исследованиями Тириакияна, еще одной близкой концепцией, потенциально эффективной в контексте экзистенциального анализа ценностно-нормативных трансформаций украинского общества является так называемый “парадокс Истерлина”, который, на мой взгляд, представляет собой эмпирическое подтверждение концепции “допускаемой системы координат” Тириакияна. Американский социолог Ричард Истерлин еще в 1970-е годы утверждал, что экономический рост после преодоления некото-

¹ В 1946 году американский ученый А.Эймс сконструировал комнату, эксперименты в которой показали пример трехмерной оптической иллюзии. При взгляде спереди комната видится как прямоугольный параллелепипед, однако на самом деле форма комнаты трапециевидная, а ее дальняя стена расположена под очень острым углом к одной стене и под тупым углом к другой. Человек, стоящий в одном из углов комнаты, выглядит огромным по сравнению с человеком, стоящим в другом углу.

рого уровня удовлетворения потребностей уже не делает жителей страны более счастливыми. Так, в развитых странах приобретает значение не абсолютный, а относительный доход. Другими словами, богатые люди счастливее бедных, но если доход и тех и других увеличится пропорционально, то уровень счастья не изменится. Несмотря на непрекращающуюся критику выводов Истерлина, следует отметить важность отражения в них экзистенциально-феноменологических механизмов ценностной структуры обществ. На примере украинского общества можно предположить, что низкие по сравнению с другими странами показатели счастья и удовлетворенности жизни связаны не с глубинно-экзистенциальными, а с поверхностными оценочными, абстрактно-мыслительными и эмоциональными уровнями сознания¹. Кризис украинского общества, в данном случае, является кризисом сознания, проявлением внедрения в механизмы воспроизводства культуры негативных оценок окружающей реальности, трансформирующих в восприятии эту реальность в “объективно” негативный феномен. Кроме того, особенностью ценностно-нормативных трансформаций украинского общества последних лет также можно считать массовое закрепление защитной практики максимально возможных в каждой конкретной ситуации негативных оценок происходящего, тогда как реальное положение дел может быть лучше декларируемых оценок.

Можно высказывать множество возражений как в отношении связи между смысложизненными ориентациями и показателями счастья, так и касательно различных методов определения счастья и его составляющих. Однако мы приводим здесь все эти дискуссионные вопросы для того, чтобы проиллюстрировать более широкие экзистенциальные аспекты исследования ценностных структур сознания. Речь идет о том, что вариативность оценок и восприятия социальной реальности доказывает существование более широкого экзистенциального контекста сознания, для которого реальность может не зависеть кардинально от ее внутренних оценочных измерений, относительных по своему характеру. Например, если сравнивать украинское общество с развитыми обществами Запада или с развивающимися обществами Африки и Азии, можно получить два разных “определения ситуации”. Тот же принцип применим и к исторической перспективе, а также к существованию человека в целом, если сравнить его с тем, каким оно может быть, учитывая предельно общие объективные условия биологической жизни.

Наконец, еще одной особенностью экзистенциального исследования смысложизненных ориентаций, которую необходимо учитывать, является включенность украинского общества в более широкий, глобальный контекст ценностных трансформаций. В этом отношении я бы предложил для

¹ В опросе, который проводился в 2011 году центром Gallup, в десятку наиболее счастливых стран вошли Панама, Парагвай, Сальвадор, Венесуэла, Тринидад и Тобаго, Таиланд, Гватемала, Филиппины, Эквадор и Коста-Рика [Gallup, 2013]. Согласно другому опросу, самые счастливые люди живут в Коста-Рике, Вьетнаме, Колумбии, Белизе, тогда как Украина занимает 100 место из 151 [Украинцы, 2013]. В то же время, например, исследования Research & Branding Group показывают, что 74% украинцев считают себя счастливыми, 33% считают, что среди знакомых больше счастливых людей, чем несчастливых, 15% полагают, что в современной Украине больше счастливых, чем несчастливых [Индекс, 2013].

рассмотрения результаты исследований американского социолога Рональда Инглехарта. Опираясь на сравнительные данные, он отмечает, что в развитых современных обществах наблюдается тенденция к перестройке мировоззрения, которую можно обозначить как процессы постмодернизации. В рамках данных процессов наблюдаются сильные зависимости между социетальными показателями и глубинными ценностями личности. Важнейшим аспектом постмодернизации является сдвиг от материалистических к постматериалистическим ценностям, обусловленный укреплением чувства экзистенциальной безопасности, происходящим, в свою очередь, из принятия физического выживания как должного (табл. 3) [Инглехарт, 1997].

Таблица 3

Ценностные системы в контексте перспектив выживания

Сферы жизнедеятельности	Характеристики ценностных систем при восприятии перспективы выживания как негарантированной	Характеристики ценностных систем при восприятии перспективы выживания как гарантированной
В политике	Потребность в сильных лидерах. Приоритетность порядка. Ксенофобия, фундаментализм	Меньшая значимость политического авторитета. Приоритетность самовыражения, политического участия. Экзотика/новизна — стимулирующий фактор
В экономике	Приоритетность экономического роста. Достижительная мотивация. Противопоставление индивидуальной и государственной собственности	Высшая приоритетность качества жизни. Субъективное благополучие. Снижение авторитета как частной, так и государственной собственности
В сфере сексуально-семейной нормативности	На первом плане — максимизация репродуктивности, но только в рамках полной (гетеросексуальной) семьи	Сексуальное удовлетворение в соответствии с индивидуальным выбором. Индивидуальное самовыражение
В религии	Акцент на значимости высшей силы. Абсолютные правила. Акцент на предсказуемости	Меньшая значимость религиозного авторитета. Гибкие правила, ситуационная этика. Акцент на смысле и назначении жизни

Несмотря на то, что выводы Р.Истерлина и Р.Инглехарта больше касаются передовых западных обществ, на мой взгляд, трансформации ценностно-нормативной структуры украинского общества, включенные в более широкие процессы ценностных изменений, в долгосрочной перспективе будут подчиняться глобальным тенденциям. Анализируя выводы Инглехарта (табл. 3), можно утверждать, что в глобальном масштабе происходит, в терминах М.Хайдеггера, сдвиг от онтических к онтологическим уровням социальной жизни. К подобным выводам приходят и многие другие социологи, например Э.Гидденс, который также говорит о нарастающей актуализации экзистенциального измерения в современных обществах, хотя и с иных, чем Истерлин, позиций (см.: [Мельников, 2012]). В целом же в работах указанных социологов и их сторонников делается вывод, что основными характеристиками ценностей постмодерна постепенно становятся саморазвитие, эволюция сознания, рефлексивность, субъективность, ситуационная этика,

обращение к духовным и сакральным проблемам, а следовательно, проблема смысложизненных ориентаций приобретает здесь значение одного из ключевых социальных феноменов.

Экзистенциальный опыт. Наряду с теоретическими категориями пограничной ситуации, аутентичности и смысла жизни к четвертой потенциальной составляющей изучения экзистенциальных аспектов трансформаций ценностно-нормативной структуры украинского общества следует отнести качественный эмпирический анализ непосредственного опыта индивидов, переживающих данные трансформации как состояния субъективной реальности. С этой позиции, наиболее четко очерченной в исследованиях *калифорнийской школы* [Мельников, 2011], долговременный кризис украинского общества, как уже было не раз отмечено, можно рассматривать как кризис сознания, то есть как противоречия смысловой интерпретации внешней, объективной реальности. Таким образом, эмпирические исследования экзистенциального опыта необходимо ориентировать на осмысление социальных ситуаций с позиции субъектов, которые в них задействованы. “Экзистенциальная социология, — отмечают Дж.Дуглас и Дж.Джонсон, — определяется как исследование человеческого опыта-в-мире (или экзистенции) во всех его формах” [Existential Sociology, с. vii]. Сущностью такого подхода является эмпатическое проникновение во внутренний мир индивида, а его общая стратегия ориентирована на индуктивный анализ, где исходным пунктом являются не теоретические обобщения, а напротив — эмпирический опыт без преобладания над ним предварительно сконструированной абстрактно-теоретической программы исследования. Подобная методология используется во многих близких к экзистенциальной социологии направлениях, таких как, например, обоснованная теория. Среди конкретных качественных методов здесь можно выделить включенное наблюдение, глубинное интервью, интроспекцию, исследование случаев, этнографические и биографические методы и др.

Говоря об обращении к качественным методам как об одном из основных принципов экзистенциальной социологии, необходимо детализировать само понятие экзистенциального опыта. В наиболее широком смысле под экзистенциальным опытом понимается непосредственное переживание индивидом собственного существования. С этой точки зрения экзистенция выступает онтологической основой феноменов сознания, возникающих как то, что есть для индивида реальностью здесь-и-сейчас. Социальное измерение экзистенции, таким образом, представляет собой форму синхронного коллективного опыта переживания реальности. В то же время необходимо отметить дифференциацию экзистенциального опыта, которая включает высшие и низшие уровни. На низших уровнях, по отношению к реальности, данной в субъективном или коллективном восприятии, сознание рассеянно и фрагментированно, в действиях индивида преобладает автоматизм, а его социально-психологические установки являются экстермальными по своему характеру. На высших уровнях экзистенциального опыта сознание предельно сконцентрировано на непосредственном переживании реальности как во временном, так и в пространственном отношении. В действиях индивида разрушается автоматизм и преобладает спонтанность, а его социально-психологические установки характеризуются как интернальные.

Используя качественные методы, исследовательская стратегия экзистенциальной социологии ориентирована, прежде всего, на изучение экзис-

тенциального опыта в широком смысле этого понятия. В то же время специфическое значение понятия экзистенциального опыта — его высшие уровни — можно рассматривать как крайние случаи, проясняющие усредненные примеры. Такой подход использовался, в частности, У.Джеймсом в его исследованиях религиозного опыта, где он, концентрируясь на “крайних случаях”, пытался прояснить сущность изучаемого феномена в целом. Аналогичной стратегии придерживался и А.Маслоу, изучая метапотребности и пиковые переживания личности.

Несмотря на то, что в данной статье я больше опирался на количественные данные, именно качественный анализ ценностно-нормативных трансформаций в украинском обществе представляется сегодня наиболее востребованным и актуальным. Без такого качественного анализа широкие количественные панорамы украинской реальности, которые затрагивают глубинные аспекты социальной жизни, останутся для социологии (при всей своей практической пользе) лишь материалом для построения абстрактных теоретических систем.

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что в условиях кризиса современного украинского общества, вызванного трансформациями его ценностно-нормативной структуры, а также ввиду глобальных тенденций социальных изменений развитие экзистенциальной парадигмы в социологии становится наиболее актуальным и эффективным. На начальных этапах постановки ключевых проблем экзистенциальная социология может развиваться на основании взаимосвязанных категорий пограничной ситуации, аутентичности и смысложизненных ориентаций, взятых в их социальном измерении и соотношенных не только с количественными данными, задающими самый общий ориентир, но и, что более важно, с результатами качественных эмпирических исследований субъективного опыта. Общим основанием экзистенциального подхода можно считать стратегию онтологизации социологического познания, то есть стремление к снижению уровня абстрактности изучаемых социальных проблем, а также обращение к существованию человека в его повседневном мире.

Непосредственно в отношении проблемы ценностно-нормативных трансформаций важной задачей экзистенциальной социологии становится выявление ценностных иерархий, структурирующих социальную жизнь и, в особенности, обнаружение пределов данных иерархий и более широкого экзистенциального контекста, в котором они конструируются и изменяются. Помимо своих прочих функций экзистенциальный подход также несет в себе гуманистический посыл, который заключается в раскрытии конкретных переживаний негативных аспектов социальных трансформаций и, таким образом, в более глубоком понимании социальной реальности.

Источники

Бевзенко Л. Релігійність як фактор регуляції соціальної поведінки / Л. Бевзенко // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг. — К.: Інститут соціології НАНУ, 2010. — С. 431–440.

Головаха Е. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе / Е. Головаха, Н. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 4. — С. 5–22.

Головаха Е. Психологическое время личности / Е. Головаха, А. Кроник. — К. : Наук. думка, 1984.

Головаха Е. Феномен “аморального большинства” в постсоветском обществе: трансформация массовых представлений о нормах социального поведения в Украине / Е. Головаха // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2002. — № 6 (62). — С. 20–22.

Гудков Л. Негативная идентичность / Гудков Л. — М. : Новое литературное обозрение : “ВЦИОМ-А”, 2004.

Джонсон Дж. Екзистенціальні аспекти довіри / Дж. Джонсон, А. Мельников // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2009. — № 1. — С. 78–93.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Электронный ресурс] / Р. Инглхарт // Политические исследования. — 1997. — № 4. — С. 6–32. — Режим доступа : http://www.polisportal.ru/files/File/pubvlication/Starie_publicakcii_Polisa/I/1997-4-2-Ingleheart_Postmodern.pdf.

Индекс украинского счастья [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://rb.com.ua/rus/projects/omnibus/8704> (доступ 13.03.2013).

Камю А. Миф о Сизифе. Бунтарь / Камю А. — Мн. : Попурри, 1998.

Клюев А. Интегральная психофизиология как инструмент адекватного отражения психической деятельности человека [Электронный ресурс] / А. Клюев, А. Качалкин // Прикладная психология. — 2000. — № 5. — С. 9–16. — Режим доступа : <http://old.kluev.ru/smi/5.html#>.

Кривцова С. Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер / С. Кривцова, А. Лэнгле, К. Орглер // Экзистенциальный анализ. — 2009. — № 1. — С. 141–170.

Леонтьев Д. Методика предельных смыслов / Леонтьев Д. — М. : Смысл, 1999.

Маслоу А. На подступах к психологии бытия [Электронный ресурс] / А. Маслоу. — К. : PSYLIB, 2003. — Режим доступа : <http://psylib.ukrweb.net/books/masla02/index.htm>.

Мельников А.С. Калифорнийская школа экзистенциальной социологии: общая характеристика деятельности / А.С. Мельников // Соціологічні дослідження : зб. наук. праць ; вип. 11. — Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2011. — С. 89–101.

Мельников А. Социологическая интерпретация экзистенциальных ценностей / А. Мельников // Соціологічні дослідження : зб. наук. праць ; вип. 10. — Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2010. — С. 130–142.

Мельников А. Экзистенциальная теория общества в социологии Э. Гидденса / А. Мельников // Соціологічні дослідження : зб. наук. праць ; вип. 12. — Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2012.

Мюллер-Лиер Ф.К. Социология страданий / Мюллер-Лиер Ф.К. — М. : Комкнига, 2007.

Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / Полани М. — М. : Прогресс, 1985.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. — М. : Прогресс, 1994.

Ручка А. Смыслжиттєві орієнтири статусних угруповань соціуму / А. Ручка / Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг. — К. : Інститут соціології НАНУ, 2010. — С. 261–271.

Соболева Н. Інтернальність / екстернальність як чинник формування життєвої стратегії особистості / Н. Соболева // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг. — К. : Інститут соціології НАНУ, 2010. — С. 319–329.

Украинцы по уровню счастья — на 100 месте из 151 страны, но обогнали россиян и белорусов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://news.finance.ua/ru/~1/0/all/2013/03/10/297982> (доступ 13.03.2013).

Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг. — К. : Інститут соціології НАНУ, 2010.

Франкл В. Воля к смыслу / В. Франкл. — М. : Апрель Пресс : ЭКСМО-Пресс, 2000.

Франкл В. Сказать жизни “Да!”: психолог в концлагере / Франкл В. — М. : Альпина Нон-фикшн, 2009.

Ходорівська Н. Суспільна свідомість українців: деякі особливості рефлексії / Н. Ходорівська // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг. — К. : Інститут соціології НАНУ, 2010. — С. 297–307.

Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. — М. : Аспект Пресс, 1996.

Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / Ясперс К. — М. : Канон плюс, 2012.

Existential Sociology / ed. by J. Douglas, J. Johnson. — Cambridge : Cambridge University Press, 1977.

Gallup опубликовал свой рейтинг счастья по 148 странам [Electron resource]. — Mode of access : <http://jpsy.ru/public/33486.htm> (Accessed 13.03.2013).

James W. The Varieties of Religious Experience / James W. — N. Y. : Library of America Paperback Classics, 2010.

Schwartz S. Basic Human Values: An Overview [Electron resource] / S. Schwartz. — Access mode : [http://segr-did2.fmag.unict.it/Allegati/convegno%207-8-10-05/Schwartz paper.pdf](http://segr-did2.fmag.unict.it/Allegati/convegno%207-8-10-05/Schwartz%20paper.pdf) (Accessed March 13, 2013).

Social Suffering / ed. by A. Kleinman, V. Das, M. Lock. — Berkeley, CA : University of California Press, 1997.

Tiryakian E. Sociology and Existential Phenomenology / E. Tiryakian // Phenomenology and the Social Sciences ; Vol. 1. — Evanston : Northwestern University Press, 1973. — P. 187–222.

Wild J. Authentic existence: a new approach to “value theory” / J. Wild // Invitation to phenomenology. — Chicago : Quadrangle Books, 1965. — P. 59–77.

Wilkinson I. Suffering: A Sociological Introduction / I. Wilkinson. — Cambridge, UK : Polity Press, 2005.